

Бестселлер Washington Post, Wall Street Journal и Amazon Charts

ЛИЗА
ГРЕЙ

БЕЗ СЛЕДА

А ВЫ ВСЕ ПОМНИТЕ
О СВОЕМ ДЕТСТВЕ?

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

LOS ANGELES

Новый мировой триллер

Лиза Грей

Без следа

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Грей Л.

Без следа / Л. Грей — «Издательство АСТ», 2019 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-127465-8

Частный детектив Джессика Шо уже привыкла к анонимным посланиям. Но вот чего она никак не ожидала, так это получить фотографии трехлетней девочки, похищенной в Лос-Анджелесе двадцать три года назад. Девочки, в которой она с ужасом узнала саму себя. В погоне за ответами Джессика направляется на самую темную изнанку Лос-Анджелеса, она жаждет раскрыть дело, с которым когда-то не справилась полиция. В это же время детектив Джейсон Прайс расследует дело о чудовищном убийстве студентки колледжа, подрабатывавшей проституткой. Джессику и Джейсона сталкивает случай, однако вскоре она понимает, что Прайс знает и скрывает что-то о прошлом ее отца и смерти матери. Джессике предстоит разгадать тайну своего собственного исчезновения много лет назад, но чем ближе она подбирается к правде, тем сложнее не потерять следы.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127465-8

© Грей Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
1. Джессика	7
2. Эми	10
3. Джессика	12
4. Прайс	16
5. Джессика	20
6. Элеанора	25
7. Прайс	27
8. Джессика	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лиза Грей Без следа

Lisa Gray
Thin Air

© Lisa Gray 2019

© Крякина Н. Л., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Маме, которая всегда в меня верила

Пролог

Я оставляю машину примерно в четырех кварталах от нужного места и прохожу оставшееся расстояние пешком. Ее дом спрятался в самом конце улицы; его наполовину скрывают тени, никто и не подумает заглядывать в окна.

Сейчас уже стемнело и плохо видно, но я знаю, что при дневном свете эти стены приобретают оттенок засохшей грязи. Краску не обновляли уже несколько лет, – по крайней мере, с того момента, как она сюда переехала. Крыльцо, к моему удивлению, хорошенько разобрано и подметено. На нем осталась только металлическая подставка с двумя парами ботинок – одной детской, одной взрослой.

Я прохожу мимо воткнутой в заросшую лужайку таблички. Она предупреждает, что дом находится под охраной «Смит-энд-Вессон». Я тихонько усмехаюсь. Никакой пистолет ее не спасет.

Бесшумно всхожу на крыльцо. Большое окно закрыто занавесками, сквозь крошечную щель между которыми пробивается мерцающий желтоватый свет. Из-за двери слышится негромкая музыка. Уже поздно, но она, как обычно, не спит. Поднимаю руку в темной перчатке и стучу в дверь. Она обтянута мягкой кожей, поэтому звук выходит немного приглушенным.

Она открывает дверь. Невозможно не признать, что она просто великолепна. Ее фигура озарена сиянием свечей. Музыка создает приятный фон, который проступает все лучше. Играет одна из модных унылых групп, кажется, из Сиэттла. Глаза у нее стеклянные; видимо, напилась или обкурилась. Она на секунду замирает.

– А я все думала, – наконец слышу я, – когда же ты появишься. Ну что, заходи.

Прохожу в гостиную. Она спрашивает про мое желание выпить, но я ничего не отвечаю. Она подходит к бару и наливает в бокал красного вина, а затем доливает до краев и себе. Похоже, она выпила уже не одну бутылку.

– Эй, – удивляется она, – а чего это ты в перчатках? Там разве холодно?

Я молчу. Она протягивает мне бокал, но я не двигаюсь с места.

– Не стесняйся, – пожимает она плечами.

После этого она слегка поворачивается, чтобы поставить оба бокала на кофейный столик. В это мгновение я изо всей силы ударяю ее в лицо. Она застывает на месте и роняет свой бокал. Красная жидкость мгновенно заливают светлый ковер. У нее из носа льет кровь; она пошатывается. Я ударяю еще раз. Она наконец падает.

Быстро сажусь ей на грудь. В руке у меня нож. Дыхание, кажется, ускорилося, но руки все еще не дрожат. Разрез получается точным и быстрым. Ее кровь смешивается с алым мерло. Через пару мгновений она истечет кровью; дело сделано.

Вдруг при взгляде на распростертое тело меня охватывает прилив ярости: кровь бешено мчится по венам, в висках яростно стучит. Я высоко заношу нож и как могу глубоко вонзаю его ей в сердце, потом еще и еще. Это продолжается до тех пор, пока я не изматываюсь и не падаю прямо на нее. В этот момент внутри зарождается еще одно неожиданное ощущение. Мне требуется некоторое время, чтобы понять, что это восторг.

Это мое первое убийство, но я сразу понимаю, что оно будет далеко не последним.

Я поднимаюсь и засовываю нож в задний карман. Затем выхожу в прихожую и прислушиваюсь, не закрипит ли лестница под чьими-нибудь шагами. Стоит полная тишина. Возвращаясь в гостиную, где все еще играет музыка. Огоньки свечей бросают на стены причудливые тени. Подхожу к светлому кожаному дивану, оглядываю безжизненное тело на полу и улыбаюсь. После этого устраиваюсь поудобнее и принимаюсь ждать.

1. Джессика

Джессика Шо уставилась на фотографии. Большинство людей на них наверняка были уже мертвы или очень хотели, чтобы их больше никто никогда не нашел. Она прищурилась – в окно било закатное калифорнийское солнце – и придвинулась поближе к своему макбуку, чтобы не упустить ни одной детали.

Вот мать семейства, посреди бела дня пропавшая из собственного дома. Вот мужчина средних лет – вышел на работу, но так и не доехал до офиса. Вот девчонка, не вернувшаяся после школы. Таких историй можно было насчитать сколько угодно. Люди как будто просто без следа растворялись в воздухе. И оказывались мертвыми. Или не хотели, чтобы их нашли.

По мнению Джессики, большинство пропавших взрослых можно было отнести к одной из двух категорий. Все предельно просто, как в казино, где-либо красное, либо черное. Здесь тоже – либо труп, либо как-нибудь объявится. Семи лет в качестве частного детектива (пять в Нью-Йорке и два где придется) вполне хватало, чтобы на глаз определять, что выпадет в этот раз.

Джессика продолжила мысленно помечать фотографии красным и черным, как вдруг у нее над ухом послышался голос официантки. Девушка быстро закрыла ноутбук. Работать в придорожном ресторанчике, ясное дело, было не лучшей идеей. Но ей нравилось думать о подобных местах – торговых центрах, отельных номерах, закусочных на заправке, да где угодно, черт побери, где есть сеть, – как о своем временном кабинете. В такие моменты ей переставало казаться, что она пытается от чего-то убежать.

Сегодняшним кабинетом оказался ресторанчик в Сими-Вэлли, приятном городке на юго-востоке округа Вентура. От Лос-Анджелеса до здешних мест было миль тридцать. Сими-Вэлли славился тем, что в девяносто втором году здесь судили Родни Кинга, а двенадцать лет спустя похоронили Рональда Рейгана.

Наконец (правда, Джессика этого еще не знала) здесь ее судьбе было суждено навеки измениться.

В этой забегаловке она была первый раз, но видела уже миллион практически таких же. У владельца явно не было ни обширного бюджета, ни высоких ожиданий: ряд барных стульев перед липким прилавком, пончики, подсыхающие под заляпанным чьими-то руками стеклом, затянутые в бледно-голубую форму официантки в теннисных туфлях с натянутыми улыбками выдают очередные порции кофе. Как раз одна из таких теперь нависала над Джессикой:

– Что берем?

Она нетерпеливо постукивала по блокноту наращенным пунцовым ногтем, как будто не могла дождаться, когда сможет вернуться в какое-нибудь куда более важное место.

Джессика бросила взгляд на меню, внутри которого пестрели изображения бургеров и кусков пиццы. Заметив пароль от сети, она двинула пальцами по тачпаду, а затем снова принялась изучать список блюд. Раздел закусок покрывало какое-то жирное пятно. Время шло к вечеру; обычно в этот момент она начинала собирать вещи и размышлять, куда двинется дальше. Лос-Анджелес? Сан-Франциско? Сан-Диего?

Она заказала сэндвич с жареным сыром и чашку эспрессо. Было вовсе незачем заставлять официантку ждать, пока она выберет что повкуснее. Это же, черт побери, не «Ритц».

– Сэндвич будет готов через пять минут, – объявила официантка, – кофе сейчас принесу.

Джессика снова открыла ноутбук и принялась украдкой следить за ней. Эту свежеевыкрашенную в огненно-рыжий женщину лет сорока, как гласил покосившийся на объемном бюсте бейджик, звали Нэнси. Грудь у Нэнси, несмотря на близость места ее работы к Тинсельтауну и его именитым пластическим хирургам, были вполне настоящие; впрочем, это не мешало им максимально неприлично подпрыгивать в попытках вырваться из-под тесной униформы.

Джессика вернулась к работе. Заправив за ухо короткую прядь светлых волос, она зашла в почтовый ящик. За все утро там не появилось ни одного нового письма.

Она ожидала чего угодно – заявок от обезумевших родителей или опечаленных супругов, отчаявшихся найти своих близких; запросов на слежку за кем-нибудь подозрительным; да в конце концов, просьб о разоблачении неверных супругов (для такого обычно требовалось пофлиртовать с кем-нибудь в баре, а затем подтвердить жене, что она и вправду выбрала самовлюбленного вруна). Но в почте было хоть шаром покати.

Впрочем, на такое она обычно и не смотрела, пока не становилось совсем уж тяжело. А тяжело не было уже достаточно давно, во всяком случае, с того дня, как закончились страховые деньги и ее дом выставили на аукцион. Сегодня она скорее бы посоветовала жертве измены потратиться на хорошего адвоката для развода, чем обращаться к ее услугам.

Решив, что новостей на сегодня не предвидится, Джессика вернулась к сайту с объявлениями о пропавших людях. Просматривая его, она мигом сжевала прибывший сэндвич и уже начала лениво раздумывать о том, не заказать ли и еще один из залежавшихся пончиков, но тут в углу экрана с приглушенным звоном появилось уведомление. Сформулировано все было кратко и четко. Джессика откинулась на спинку сиденья и глубоко вздохнула, абсолютно забыв о десерте.

– Может быть, – окликнула она Нэнси, – вы это снимете?

Официантка выглянула из-за прилавка, за которым она вываливала в кассу скопившуюся мелочь:

– А, милочка, ты что-то сказала?

Джессика кивнула в сторону постера, прикрепленного к стене за спиной Нэнси. Сверху на листке было крупными кроваво-красными буквами напечатано «ПРОПАЖА», снизу помельче черными – «Вы видели этого человека?» Бумага переливалась всеми цветами радуги. Такие же объявления Джессика за последние дни замечала во всех барах и ресторанчиках, на витринах и фонарных столбах. На фотографии была изображена неулыбчивая девушка азиатской наружности с сияющими черными волосами и темными глазами. Выражение лица у нее было такое, как будто фотограф, кем бы им ни был, чертовски ее раздражал.

О пропаже двадцатидвухлетней студентки по имени Эми Онг заявила ее соседка, сообщившая, что девушка не вернулась домой после субботнего свидания. Эми была молода, красива и умна. Это в какой-то мере поспособствовало тому, что вскоре ее фото появилось во всех газетах и на всех лос-анджелесских телеканалах. Другим девушкам везло меньше; обычную девчонку могли лишь мельком упомянуть в каком-нибудь захудалом журнальчике.

– Снимите это, – повторила Джессика.

– Ой, ее нашли, что ли? – Нэнси с надеждой изогнула нарисованные брови, насколько это позволял ботокс. – Надеюсь, она просто развлекалась с каким-нибудь парнем и у нее сел телефон! Такое постоянно случается. Кому, как не мне, знать – у меня детки одного с ней возраста.

– Она мертва.

Лицо женщины сморщилось.

– Личность еще не подтвердили, – добавила Джессика, – но все указывает на то, что это Эми. Судя по новостям, копы считают, что это убийство.

Рука Нэнси взлетела ко рту, а накрашенные глаза судорожно расширились:

– Убийство? Боже милосердный, бедная девочка.

Она горестно покачала головой и отвернулась, начав аккуратно – чтобы не повредить ногти – отдираять державшие листок полоски скотча.

Итак, если человек пропал, значит, он, скорее всего, либо мертв, либо не хочет, чтобы его нашли.

Теперь Эми Онг принадлежала к числу первых. Ее полная надежд и планов жизнь обвалилась в мгновение ока. Джессика задумалась, не обратятся ли к ней с просьбой о расследовании этого случая, но дело было явно тупиковое. Обычно она предпочитала что-нибудь чуть уже подзаброшенное, со следом остывшим, словно бутылка пива прямиком из холодильника. Случай Эми Онг не забудут еще долго.

Пора было двигаться дальше. Можно было подбросить монетку (орел – на север, решка – на юг) или выбрать что-нибудь поинтереснее с сайта о пропажах и поехать прямиком на место преступления.

Джессика помахала Нэнси, чтобы та еще раз наполнила ее чашку, и продолжила прокручивать ряд фотографий, надеясь, что чье-нибудь лицо наконец привлечет ее внимание. Она чувствовала себя как распалившийся холостяк, пролистывающий сайт знакомств в поисках девушки на вечер.

Джанин Соломон, семнадцать, белая, женщина.

Срок давности: 2 месяца. Место пропажи: Олбани, Нью-Йорк.

Ну уж нет, в Нью-Йорк она больше ни ногой. Джессика промотала объявление.

Джон Престон, сорок пять, белый, мужчина.

Срок давности: 6 недель. Место пропажи: Ричмонд, Виргиния.

Слишком далеко ехать, тоже минус.

Шондра Уильямс, тридцать девять, черная, женщина.

Срок давности: 18 месяцев. Место пропажи: Кулидж, Аризона.

А вот это может быть интересно.

Джессика еще раз проверила почту. Во входящих оказалось новое сообщение. В теме письма стояло «Следующее дело?», адресатом значился Джон Доу.

Внутри Джессика ожидала найти запрос от потенциального клиента, но там обнаружилась одна-единственная ссылка. Обычно она не переходила ни на какие сайты, но по адресу было видно, что ссылка ведет на еще один знакомый ей ресурс с объявлениями о пропаже. Она нажала на тачпад.

На экране открылось фото маленькой, два-три года, девочки с волосиками мышиного цвета и большими голубыми глазами. Замызганная пухлая ручонка крепко держала куклу Барби.

Джессика почувствовала, как ее лицо заливают нервный румянец. Она как будто оказалась в раскаленном солярии с новыми лампами.

Быть такого не могло!

Она еще раз взглянула на фото.

Черт побери!

У нее во рту вдруг разлилась горечь. Стук ножей за соседним столиком отдалился и зазвучал словно из густого тумана. От доносившегося с кухни запаха жареного лука ее затошнило. Только что съеденный сэндвич чуть не оказался прямо на вычищенном столике.

Итак, пропавшие люди, скорее всего, либо мертвы, либо не хотели, чтобы их нашли. Но Джессика Шо поняла, что есть и третья категория, о которой она никогда и не подозревала. Некоторые люди могут даже и не знать, что они когда-то становились пропавшими без вести.

2. Эми

Эми Онг мягко провела кончиками пальцев по висевшей в шкафу одежде, решая, какой образ выбрать для вечера. После недолгих раздумий она вытянула из шкафа плечики с красным сатиновым платьем, прижала их к груди и осмотрела свое отражение в большом зеркале, висевшем на внутренней стороне дверной створки.

Это платье ей подарили родители; им очень хотелось, чтобы у дочери был какой-нибудь особенный наряд для вечера, который они устроили в честь ее поступления. Эми приняли на программу по изучению уголовного права в Калифорнийском университете; она выиграла целых две престижные стипендии. Она была старшей из трех дочерей, родившихся у простых китайских рабочих, и первой во всей семье, кто пробился куда-нибудь после школы. Все родственники гордились ею, но удивления эти новости ни у кого не вызвали – Эми всегда была хорошей девочкой, настоящей умницей.

При мысли о семье, оставшейся далеко в Огайо, на Эми накатила волна печали, но она потрясла головой, стараясь избавиться от переживаний. Нужно было вернуться к делу. Платье выглядело достаточно скромным; оно доставало девушке до колена и не имело и намека на какой-либо вырез, но сияющая ткань выгодно подчеркивала ее светлую кожу и длинные темные волосы. Отличный выбор для свидания! Когда идешь куда-нибудь субботним вечером, – например, в приятный голливудский бар, да еще и с красавчиком, – надо постараться выглядеть как следует.

Эми вернула платье на место.

Но не *перестараться*.

– Вот бы ты куда не пошла.

Эми подпрыгнула от неожиданности. На одной из кроватей, занимавших большую часть крошечной комнаты, сидела ее соседка, Кейси Тейлор. Она подергивала нитку, торчащую из покрывала; по этому можно было легко догадаться, что она нервничает.

– Черт, – засмеялась Эми. Она приложила руку к груди; ее сердце бешено колотилось. – Я не слышала, как ты вошла, ты меня совсем перепугала!

Кейси не улыбнулась. В ее глазах читалась явная озабоченность.

– Ты ведь еще можешь все отменить.

Кейси, миленькая, но ничем особо не примечательная блондинка, училась на театрально-танцевальном отделении и уже успела получить небольшие роли в паре рекламных роликов, но на этот раз Эми понимала, что подруга совсем не шутит.

Она повернулась обратно к шкафу.

– Ты же понимаешь, что я не могу.

– Да можешь, конечно, – настаивала Кейси, – просто возьми телефон и отправь ему какое-нибудь сообщение. Ну, что-нибудь типа «Как-то не получается сегодня. Или вообще не получится. Не приближайся ко мне больше, неудачник».

– Да у меня даже телефона его нет.

– Тогда скажи ему это в лицо!

– Не могу.

Эми взяла с полки облегающие голубые джинсы и белую маечку и бросила их на свою постель. Выудив с нижней полки пару золотистых босоножек на завязках, она сбросила махровый халат на пол, втиснулась в джинсы и расчесала волосы руками. Сев на кровать, чтобы завязать бантики на сандалиях, она поймала очередной взгляд Кейси.

Наконец та заговорила:

– Слушай, у меня тут через несколько дней еще одна съемка. Там реклама корма для животных. Я бы могла...

– Нет, – отрезала Эми. Но ей немедленно стало стыдно за то, что она так резко ответила подруге. – Дорогая, я все это очень ценю, но мой ответ – нет.

Она поднялась и немного покружилась на месте:

– Как я выгляжу?

– Восхитительно, – угрюмо ответила Кейси.

Эми схватила с прикроватной тумбочки флакончик «Шанель», который они делили на двоих, и побрызгала себе шею и оба запястья. Отсоединив кабель зарядки, она опустила телефон в маленькую сумочку из искусственной кожи (помимо этого, там лежали кошелек, права, расческа, немного косметики, мятные леденцы, ключи от машины и один-единственный презерватив).

– Погоди, – окликнула Кейси. Она открыла нижний ящик тумбочки, пошарила между трусиками и бюстгалтерами и протянула Эми перцовый баллончик. – Возьми хотя бы это.

– Нет места, – Эми показала раздувшуюся сумку и быстро обняла подругу. – Не волнуйся, все будет хорошо. Все всегда хорошо. Не жди меня, ложись.

Она исчезла, не успев Кейси сказать и слова в ответ.

Снаружи было все еще тепло, но у Эми по коже все-таки побежали мурашки. Солнце быстро садилось за горизонт; дневной свет уступал место беззвездным сумеркам.

Гулко стуча каблучками по асфальту, Эми пересекла парковку и нашла свой выдавший виды «Мини». Забравшись на водительское сиденье, она повернула ключ зажигания и беззвучно взмолилась, чтобы машина завелась с первого раза. Время поджимало, а заказывать такси до самого Голливуда было бы настоящим безумием.

Мотор затрещал, чихнул и наконец завелся. Девушка испустила вздох облегчения. Ожило радио; из динамиков полилась грустная песня об утерянной любви. Эми стало чуть полегче. Часы на приборной панели замерцали ярко-зеленым; придется опоздать, но он, конечно, ее дождется.

Эми передернуло. Она уже подумывала, не выпить ли пару бокалов вина, чтобы немного успокоиться, но оно явно бы того не стоило.

Салон машины залило янтарным светом ближайшего фонаря, и Эми заметила, что из зеркала на нее смотрят чьи-то очень грустные глаза. Она вздохнула. Пора было с этим заканчивать. Она отпустила педаль тормоза и медленно стала выезжать с парковки.

Эми Онг.

Хорошая девочка. Умница.

Ах, если бы они знали!

3. Джессика

На сайте со списками пропавших без вести жителей Лос-Анджелеса не было никакой особенно полезной информации.

Девочку на фото звали Алисия Лавелль. На момент исчезновения ей было три года. В последний раз ее видели осенью, вместе с матерью, в бакалейной лавке, а затем на почте. Официально в список пропавших она была занесена только на следующий день после некоего события, описанного в заметке как «трагический инцидент» и произошедшего в принадлежавшем ее семье доме.

Это случилось двадцать пять лет назад. С того времени не было получено никаких уточнений по поводу местонахождения Алисии. Джессика перечитала заметку, а затем продолжила изучать снимок, в чем, впрочем, не было особой необходимости. Это личико и так было прекрасно ей знакомо.

Оно принадлежало ей самой.

Джессика видела достаточно собственных старых фото, чтобы представлять, как она выглядела в три года. Но именно на эту карточку она еще никогда не натыкалась.

Она быстро напечатала ответ на пришедшее сообщение: «Кто это? Я вас знаю?»

Через несколько мгновений после отправки пришло следующее письмо – в нем говорилось, что сообщение Джессики не может быть доставлено. Она выключила компьютер.

Положив под кофейную чашку десятидолларовую купюру, девушка сунула ноутбук в большую сумку и вышла из-за столика. Ноги у нее слегка подкосились: кофе оказался сдобрен щедрой порцией ликера. Стараясь не обращать внимания на странные взгляды со стороны Нэнси, Джессика медленно направилась к выходу.

Температура на улице подбиралась к тридцати градусам; жар от асфальта чувствовался даже через подошвы кроссовок. У Джессики вспотели подмышки – и это даже притом, что она была одета всего лишь в легкую хлопковую футболку. Вытерев мокрые руки о джинсы, она направилась к черному «Сильверадо», припаркованному в тени большого дуба. В закрытом кузове лежали два небольших чемодана и набитая всякими мелочами картонная коробка – все, что у нее было.

Направив машину к выезду со стоянки, Джессика принялась вводить в навигатор нужные буквы и цифры. На этот раз ее путь лежал не в другой штат – со сменяющимися друг друга длинными днями и ночами, в течение которых только и видишь, что одни и те же пейзажи, пока что было покончено. Девушка точно знала, куда направляется: на северо-восток, в местечко приблизительно в сорока милях от Сими-Вэлли. Если повезет, на дорогу уйдет не больше часа.

Она свернула на Ист-Лос-Анджелес-авеню и поехала вдоль бесконечных торговых центров и забегаловок, мимо банка и медицинского комплекса. К стволу одного из высаженных на тротуаре деревьев был пластиковыми кабелями примотан очередной портрет Эми Онг. Джессика сделала еще один поворот и повела машину к одному из загородных шоссе.

Вскоре чистенькие домики, подстриженные лужайки и роскошные гаражи Сими-Вэлли остались позади. Впереди показались массивные пики хребта Санта-Сюзанна, усыпанные глинистыми и песчаными пятнами и изобилующие пышной растительностью всех оттенков зеленого. Здесь места разительно отличались от ставших такими привычными Джессике узких серых улочек Нью-Йорка.

Все, что Джессика помнила о своем детстве, сводилось к нескольким тесным квартиркам, в которых они с отцом ютились, пока жили в шумном Куинсе. Это продолжалось до тех пор, пока Тони наконец не наскреб каких-то денег, которых хватило на дом в Блиссвилле.

Он умер два года назад. Джессика осталась совсем одна: ни матери (ее она попросту не помнила), ни отца (забыть которого, конечно, было невозможно). Теперь некому было убедить

ее в том, что заметка на сайте все еще могла оказаться ошибкой. Она закусила губу – так крепко, что почувствовала вкус крови – и вжала педаль в пол.

* * *

Район Игл-Рок располагался в гористой местности прямо посередине между Глендейлом и Пасаденой. Имя ему дала огромная скала, тень от которой в зависимости от положения солнца иногда напоминала орла с распростертыми крыльями.

Джессика вспомнила, что в одной из местных газет Игл-Рок называли настоящим «кипящим котлом». С тех пор, как сюда переехало много молодых специалистов, цены на жилье взлетели практически до небес, а на каждой улочке открыли по несколько модных баров и ресторанчиков.

Последнее место, где видели Алисию Лавелль, располагалось прямо в центре, на Йоркском бульваре. Джессика повернула прямо туда. По обе стороны от дороги запестрели разноцветные дома в ремесленном и неомиссионерском стиле.

На очередном повороте обнаружили сразу несколько кафе, пресвитерианская церковь и заправка. Но пока Джессике не требовалось питание – ни для тела, ни для души, ни для ее машины Она решительно проехала дальше, миновав ночную аптеку и «Старбакс», и прямо за ними, сразу же после въезда во двор, обнаружила небольшой мотель. Это место явно еще не было затронуто попытками облагородить район. Мотель оказался крошечным, всего на десять номеров, одноэтажным зданием унылого песочного цвета. У входа мигала неоновая вывеска с объявлением об открытых вакансиях и низкой стоимости проживания. Под последней подразумевались двадцать пять долларов за ночь; Джессике это нисколько не смущало. Ей отчаянно хотелось залезть в мягкую постель, – ну и, может быть, взять чего-нибудь покрепче в придачу.

Необъятная лакированная стойка администратора пустовала. Сразу у входа обнаружился небольшой столик с выдавшей виды кофемашиной, несколькими бумажными стаканчиками и стопкой каких-то журналов. У большого окна примостился круглый стеклянный столик, зажатый между двумя плетеными и неизменно скрипучими диванчиками.

Дверь позади стойки отворилась. До слуха Джессики долетела старая песня «Роллинг Стоунз» – где-то за стеной негромко играло радио. В дверном проеме появился круглый живот, а затем и весь его обладатель – седобородый мужчина с облаком мягких волос. Выглядел он так, будто имел возможность слушать звучащую песню еще школьником. Улыбка его казалась широкой и приветливой, словно он знал, что в холле обнаружится новый гость.

– Чем могу вам помочь? – спросил он.

– Мне нужна комната на неделю, – ответила Джессика, – или чуть подольше.

Она передала мужчине свой паспорт и кредитку. Тот взглянул на права и провел карточкой по новенькому приемнику, резко выделявшемуся на остальном фоне. Потыкав указательным пальцем по клавиатуре, он вручил Джессике ключ. На номерке оказалась обклеенная остатками золотой фольги пятерка.

– Мое имя Джефф Хоппер, но обычно меня зовут Хоппер или просто Хоп, – представился мужчина. – Никаких Джеффов. Захотите чего-нибудь, только звякните. Номер там указан.

– Хорошо.

Хоппер сделал жест в сторону лежавших на одном из столиков бумажек:

– Если ищите где поесть или хотели бы тут погулять где-нибудь, поищите вон там. Или, если хотите, сам могу что-нибудь рассказать.

– Спасибо, – поблагодарила Джессика, – но я тут по делу.

Хоппер снова улыбнулся и пожал плечами. Она еще раз взглянула на него. Лет явно за шестьдесят. Если он тут давно, то наверняка помнит дело Лавелль, может быть, даже был знаком с Алисией и ее матерью. За последние несколько лет она достаточно пожила в мотелях,

чтобы знать, что их владельцы только и делают, что обмениваются с кем-нибудь сплетнями. И они действительно всегда знают очень много.

– Я частный детектив, – объяснила девушка, – интересуюсь делом Лавелль.

– Привет из прошлого, – приподнял бровь Хоппер. – А что это вы?

– Скоро годовщина.

Хоппер почесал бороду:

– Но вроде не какая-то особенная, разве нет? Не четверть века ведь прошло.

– Именно так. Но вообще, когда кто-нибудь все еще числится пропавшим без вести, важен каждый год.

– Ну допустим, – нахмурился мужчина. – Но если вы частный детектив, вас, наверное, кто-то нанял?

Джессика натянуто улыбнулась:

– Давайте остановимся на том, что я работаю по просьбе заинтересованного лица.

Хоппер сделал разочарованную мину, но ничего не ответил.

– Вы тут давно живете? – спросила Джессика.

– всю жизнь. От люльки до могилы.

– Вы знали семью Лавелль?

– Девочку никогда не видел, но ее родители тут часто где-нибудь показывались.

– Что вы могли бы сказать о матери? Вы были с ней знакомы?

– Тут почти все знали Элеанору еще с тех времен, как она работала в баре у Эйса. Такую не забудешь.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, она была прехорошенькая; поэтому, в частности, Эйс и дал ей это место. Но было в ней еще кое-что... мужчины, кажется, называют это харизмой. Этакое очарование, которое невозможно передать словами. Понимаете, о чем я?

Джессика кивнула, но взгляд Хоппера уже давно был устремлен куда-то за ее плечо – на тридцать лет назад.

– А где Элеанора сейчас? – спросила она.

Хоппер сфокусировал взгляд обратно и свел кустистые белые брови:

– Она мертва.

– Ох, точно, – моргнула Джессика.

На пару мгновений повисла неловкая тишина.

– Последний вопрос, – наконец решилась Джессика.

– Ну.

– Где найти бар Эйса?

* * *

Внутри стоял уютный полумрак. Свет давали только тусклая лампа, висевшая над бильярдным столом в дальнем конце комнаты, и неоновые вывески с рекламой крафтового пива.

Вдоль каждой стены стояли по четыре пары диванчиков; заняты были меньше половины. За одним столом тянула пиво и жевала куриные крылья влюбленная парочка, за другим сидел какой-то старик с колодой карт, за третьим собралась компания разнорабочих в ярких жилетах и грязных ботинках.

Бар Эйса, как и посещенный Джессикой мотель, совсем не походил на место, где не толкнешься между двадцатилетними хипстерами. Это был старый погребок «для своих». На плаву его, скорее всего, держала только горстка постоянных посетителей, у которых неподалеку были дом или работа.

За барной стойкой обнаружили три высоких стула. В обивке сиденья среднего из них виднелась зияющая дыра, напоминавшая только что выскочивший прыщ. Джессика забралась на самый правый и бросила взгляд на висевший в углу крошечный телевизор. Шли новости, но звук был выкручен до нуля.

На экране что-то говорила в микрофон сильно покрашенная блондинка с начесанными волосами; за ее спиной помаргивала вывеска какого-то мотеля. Бегущая строка внизу экрана гласила: «Последние новости: убийство Эми Онг». Джессика догадалась, что журналисты приехали на место происшествия.

Место блондинки занял симпатичный чернокожий мужчина, выступавший перед несколькими репортерами. Ему было чуть за сорок, может быть, ближе к пятидесяти. Но выглядел он отлично: небольшая щетина, тщательно подстриженные седеющие к вискам волосы, подтянутая – явно благодаря ежедневным тренировкам – фигура. Одет он был в недешевые угольно-черные брюки и рубашку с закатанными рукавами, которые обнажали красивые мускулистые руки. На запястье у мужчины сияли большие золотые часы, на поясе висел крупный значок полицейского. Судя по надписи внизу экрана, это был детектив из полиции Лос-Анджелеса, некто Джейсон Прайс.

Джессика впервые слышала это имя, но определенно хорошо знала его обладателя в лицо – несмотря на то, что виделась с ним всего однажды, в день, который она уже два года безуспешно пыталась стереть из своей памяти.

До этого она ни разу не была на похоронах – просто не знала никого достаточно хорошо, чтобы отправиться провожать их в последний путь. Тони стал первым. Да что греха таить, даже если бы она и знала кого-нибудь как следует, то все равно предпочла бы ограничиться грустной открыткой с соответствующими выражениями. Похороны были попросту не для нее. Только вот когда умирает твой собственный отец, выпутаться из всего этого становится куда сложнее.

Весь тот день она чувствовала себя как актриса, которую наняли сниматься в каком-то случайном фильме, в роли чужой и нежеланной. Глаза всех присутствующих были устремлены только на нее. Они жаждали представления, а она и понятия не имела, что следует говорить, как будто так и не выучила свои реплики.

В церкви было гораздолюднее, чем она ожидала. Погода стояла ужасная, и в зал втиснулось множество людей, которых Джессика не встречала ни разу в жизни. Этого она, разумеется, не ожидала, но Тони всегда был довольно скрытным персонажем. Здесь были элегантные супружеские пары, держащиеся за руки, на которых поблескивали новенькие платиновые кольца с крупными бриллиантами; молодые мамочки, воткнувшие своим младенцам соски, чтобы не осрамиться перед ликом Всевышнего. И много кто еще. Снимая свадьбы и семейные портреты, Тони заработал целое состояние. Должно быть, тем, кто добрался до церемонии, его работы действительно пришлось по вкусу.

На последней скамье сидел одинокий мужчина в новеньком синем костюме, белоснежной рубашке и серебристом галстуке. У него на плечах, словно ледяные кристаллы, блестели капли воды. Лицо у мужчины также было мокрым – правда, от дождя или от слез, сказать было невозможно. Когда посетители стали подходить к гробу и прощаться с Тони, мужчина исчез. Но теперь Джессика без труда сопоставила его с тем, кого показывали по телевизору. Тот мужчина был детективом Джейсоном Прайсом.

4. Прайс

К тому моменту, как Джейсон Прайс встал из-за рабочего стола, на часах уже давно пробило десять. Еще двадцать минут у него ушло на то, чтобы спуститься вниз, сесть в машину и повернуть ключ зажигания. Все тело пронизывала неимоверная усталость, но мозг продолжал работать на пределе своих возможностей.

Добравшись до дома и закрыв за собой входную дверь, он выскользнул из обуви и прошел по отполированному паркету к спальне. Энжи, его жена, уже спала. Он осторожно приоткрыл дверь и негромко постучал по другой, располагавшейся напротив; из-под нее виднелась полоска тусклого света. Ответа не последовало, так что Прайс засунул голову внутрь. За дверью с широкой улыбкой сидела его дочь. Она устроилась на кровати, скрестив ноги. Перед ней стоял ноутбук, а на голове блестели огромные ярко-красные наушники – подарок на шестнадцатилетие. Заметив отца, девочка стянула наушники; комнату наполнила приглушенная мелодия одной из песен Джастина Бибера.

– Эй, пап, – позвала Дион, – тебя по телику показывали.

– Правда? – Прайс подвинул пару мягких игрушек и присел на кровать рядом с дочерью. – И как тебе?

Он терпеть не мог давать интервью и старался всячески от них отмазываться, но в этот раз босса, лейтенанта Сары Грейлинг, на месте не было. Пришлось справляться самому.

– Неплохо, – поддразнила Дион, – заметен кое-какой прогресс.

На нее по-прежнему падали мягкие розоватые отсветы гирлянды, протянутой вдоль кровати, но внезапно ее лицо стало хмурым. Улыбка на нем сменилась выражением глубокой задумчивости.

– Ты же поймаешь того, кто сделал это с той девушкой, правда? – спросила она.

– Так точно, милая, – Прайс запустил руку ей в волосы, и девочка состроила гримасу. – Еще десять минут на фейсбук и эту ужасную музыку, а потом в постель, ладно?

– Я не на фейсбуке, а заканчиваю с обзором для выпуска за этот месяц. Завтра нужно сдать, – запротестовала Дион и указала на стопку книг на письменном столе.

Дион была одним из редакторов школьной газеты и отчаянно мечтала о факультете журналистики в Беркли. Сама мысль о том, чтобы отпустить дочь в Сан-Франциско (или куда бы то ни было, если говорить прямо), заставляла внутренности Прайса скручиваться, словно от удара камнем. Он в очередной раз подумал о родителях Эми Онг: через какой ужас, должно быть, они проходили в этот момент.

Семья Эми была оповещена о смерти дочери местными полицейскими. Прайс говорил с мистером Онгом по телефону и постарался убедить отца девушки, что он сделает все возможное, чтобы призвать убийцу к ответу. Он совершенно серьезно собирался сдержать это обещание.

– Что скажешь? – спросил он у Дион. – Стоит что-нибудь почитать?

– Всего понемножку, – ответила та, – есть хороший постапокалиптический роман, а вот романтика в этот раз не очень.

Она подставила два пальца себе к горлу:

– Знаешь, пап, на самом деле я думаю, что тебе ничего особо не понравится. Никаких погонь или взрывов, ничего такого.

В отличие от Дион и Энжи, Прайс действительно не был заядлым читателем. Ему больше нравилось смотреть кино – обычно и с погонями, и со взрывами. Возможно, именно этому он в конечном итоге и был обязан своей профессией.

Он выпрямился и охнул, а затем подчеркнул с особенно строгим лицом:

– Десять минут, юная леди. Я иду в душ, когда выйду, хотел бы видеть свет погашенным.

Дион высунула язык, и Прайс не сумел удержаться от смеха.

В ванной он полностью разделся и засунул всю одежду в корзину для белья, а затем почти до упора повернул кран с горячей водой. Ему в спину и плечи вонзились раскаленные водяные иглы. Намылив все тело, он начал изо всех сил растираться мочалкой, пытаясь избавиться от преследовавшего его аромата смерти и боли – медного запаха крови. Если бы только можно было смыть с себя все ужасные воспоминания!

С Эми Онг произошло нечто ужасное, хоть и не самое худшее из того, с чем Прайс сталкивался за свою практически тридцатилетнюю практику. Хуже всего для него лично было даже не само убийство, а место его совершения.

Прайс был готов поклясться, что больше никогда и носа не сунет в мотель «Дримц». Он был там всего однажды давным-давно, но потратил полжизни на то, чтобы хотя бы попытаться забыть об этом.

Той ночью было жарко и влажно. Занавески на окне еле слышно шелестели на едва ощутимом ветру, проникавшем в крошечную комнатку. Рядом с ним в постели лежала Энжи, его новая девушка. Он проснулся незадолго до рассвета – на прикроватной тумбочке зазвенел телефон. Когда Джейсон ответил, кто-то начал взволнованно что-то шептать в трубку. Он еле убедил Энжи не вставать, сказал, что все в порядке, но руки у него тряслись так, что он еле смог застегнуть пояс.

На дороге он притормозил возле телефона-автомата и сам набрал один номер. Этот разговор Энжи слышать было нельзя. Встретить на улице в такой ранний час можно было разве что бездомных, прикорнувших ночью в подъездах на распластанных картонных коробках, или уборщиков, направляющихся в безмолвные пока что офисные кварталы. Никто и не подумал бы обращать внимания на Прайса.

Краткий и полный ощутимого напряжения разговор был прерван отдаленным воем сирены. Прайс повернулся спиной к дороге; он совершенно не хотел, чтобы его узнали, если в проезжающей мимо машине окажется кто-нибудь из коллег. Наконец, повесив трубку, он быстро забрался обратно в свой «Форд» (окна, слава богу, затемнены, водителя не видно) и повел его по направлению к озерам Ла-Брея и мотелю «Дримц».

Ему пришлось еще какое-то время порасхаживать под вывеской мотеля, испускавшей мягкий в утреннем тумане красно-белый свет. Все это время Прайс снова и снова спрашивал себя, что он вообще тут делает. Сознание просто вопило, чтобы он скорее сел в машину, жал на газ, возвращался домой и забирался в постель рядом с Энжи. И никто не пострадает. Однако внутренним чутьем он понимал, что сбежать уже не получится. Это было основной причиной, по которой он согласился на встречу именно в мотеле, хоть и понимал, что этим поставил на карту все, что имел, – Энжи, свою карьеру, свою свободу. Он зашел в одну из комнат, сел на кровать – жесткую, словно матрас был набит камнями, – и принялся ждать, когда раздастся стук в дверь.

Сегодня же раздался второй звонок, из-за которого он должен был снова вернуться в «Дримц».

Мотель представлял собой небольшое двухэтажное здание неподалеку от главного голливудского бульвара и Аллеи славы. Впрочем, несмотря на такое расположение, само заведение роскошным назвать можно было с большой натяжкой.

В тот день, когда Прайс впервые вошел в «Дримц», его стены были выкрашены в ярко-розовый цвет, но с тех времен поблекли до оттенка сахарной ваты. Черепица понемногу начала отваливаться; со стен, словно перхоть, сыпалась штукатурка. Огромная вывеска, впрочем, оставалась на месте: мотель сообщал об открытых вакансиях и наличии в каждой комнате отдельного холодильника. Предлагалась и общая ванная комната – на тот случай, если кто-нибудь из постояльцев не испытывал особой брезгливости при мысли о необходимости принимать душ через стенку от каких-нибудь чересчур громких любовников.

На этот раз не было ни пустынной парковки, ни молочного предзакатного тумана, ни лениво подмигивающих неоновых огоньков. Он попал в эпицентр бури.

В небе с грохотом описывал круги вертолет. За оградительной лентой собралась группа журналистов, фотографов и операторов, лица которых походили на заостренные лисьи морды. Прайс нырнул под ленту, стараясь не обращать внимания на выкрикиваемые ему в лицо вопросы. Он знал, что через пару часов их будет предостаточно и у него самого.

* * *

Вик Медина, напарник Прайса, встретил его у входа в комнату и вручил ему пару бахил и перчаток. Прайс натянул средства защиты и глубоко вздохнул, прежде чем пересечь порог.

Внутри с ужасным грохотом работал древний кондиционер, формирующий поток ледяного воздуха. Над кроватью, закрывая обзор, в три погибели согнулся штатный фотограф. Из-за этого Прайс смог рассмотреть только босые ступни с ярко-красными ногтями, вытянувшиеся на ничуть не поменявшемся с момента его последнего визита белье с цветочными узорами.

Фотограф продолжал делать снимки. Прайс решил осмотреться. На окне висела покрытая пятнами тонкая кремовая занавеска. На кофейном столике, об который не раз тушили сигарету, лежал тонкий слой пыли. Тут же стояли два пластиковых стакана и пустая бутылка из-под виски. Бордовый ковер даже сквозь бахилы казался липким: на него годы подряд проливали не только алкоголь, но и куда более специфические жидкости. В противоположном углу комнаты работали еще два криминалиста, снимавшие отпечатки пальцев и раскладывавшие возможные улики по пластиковым пакетам. Прайс с отвращением наморщил нос:

– Что такая умница делала в такой дыре?

– Кто знает, – пожал плечами Медина. – Она все равно уже не напишет на них негативный отзыв.

На трупе Эми Онг были обнаружены следы от тупых ударов в лицо и множественные колотые раны в области шеи и верхней части туловища. Царапины на ладони указывали на то, что она пыталась (впрочем, безуспешно) защититься от нападавшего. Мизинец на правой руке был отрублен. Над телом, ближе к сквозным дырам в груди, летала пара мух. Левая рука девушки, уже давно окоченев, свешивалась с кровати.

Тело девушки было обернуто в белое махровое полотенце с засохшими алыми потеками. Край полотенца задрался, обнажая черные кружевные трусики и маленькие бледные груди. Прайсу пришлось подавить желание прикрыть тело – ему вдруг ужасно захотелось сохранить за Эми право хоть на какое-нибудь достоинство.

Вся одежда девушки была аккуратно, словно в магазине, стопкой уложена у торшера. Рядом со стопкой лежала дешевая сумочка из искусственной кожи; в ней обнаружилась кое-какая косметика, расческа, мятные леденцы и кошелек с двумя сотнями долларов. Также у Эми были с собой ключи от «Мини» (на парковке мотеля машины не было) и права – даже на еле пропечатавшейся фотографии было видно, как она красива.

Прайс пересек комнату и заглянул в крошечную ванную. Она была абсолютно пуста – ни туалетных принадлежностей, ни полотенца, хотя оставшееся в комнате, скорее всего, принадлежало мотелю, а не самой Эми.

Он вернулся в комнату. Криминалисты погрузили тело Эми на каталку и застегнули мешок для перевозки трупов; звук молнии в маленькой комнате прозвучал необычайно громко. Прайс проследил, как каталку вывезли в коридор. Ее должны были погрузить в машину, но до этого провезти перед журналистами, которые тут же начали бы покрикивать на своих фотографов и операторов. Вот и еще одна история на одну колонку или пару минут экранного времени, зло подумал он.

* * *

Прайс выключил воду, досуха растерся полотенцем и натянул новые шорты и футболку. Дверь комнаты Дион по-прежнему оставалась распахнутой, но внутри на этот раз было темно. Он прошел через гостиную, потянул на себя раздвижную дверь и вышел на балкон.

Здесь, на холмах, ночью бывало прохладно – особенно это чувствовалось сейчас, после горячего душа. Прайс вытащил из переносного холодильника бутылку пива и бросил взгляд на расстилавшийся внизу город. Дороги и тротуары уже опустели; только вдалеке под темно-фиолетовым небом поблескивали огни центральных районов. Знаменитый голливудский знак, символ множества надежд и чаяний и пропуск на многочисленные киностудии, высился чуть западнее. О, эти студии! Поразительные места, от которых зависело, исполнить ли эти надежды или обратить их в прах...

Насколько было известно Прайсу, каждый месяц их департамент расследовал до трехсот случаев исчезновения. Большинство (около семидесяти процентов) пропавших находилось или добровольно возвращалось домой в пределах двух-трех суток. Он задумался, пытаясь определить, какую долю из тридцати оставшихся процентов составляли местные. А сколько из них прибыли сюда в погоне за своей мечтой? Сколько за этими цифрами стояло вчерашних детей – таких же, как Эми Онг? Город просто пережевывал и выплевывал их. Здесь упасть на самое дно могло стать делом пары секунд.

Он отпил пива и задумался о своей собственной жизни. Сколько ему самому еще предстояло потерять? Карьеру, свободу, дом, Энжи, Дион? Ужас, свернувшийся у него в груди с того самого момента, как он узнал об Эми, постепенно начал разворачивать свои черные щупальца.

Прикончив бутылку, Прайс пересек балкон и подошел к двери в спальню. Проскользнув в кровать рядом с Энжи, он прислушался к ее мягкому дыханию и перевел глаза на потолок. Через него тянулась трещина, на которую он все никак не мог найти достаточного количества времени. Судя по электронному циферблату будильника, время подходило к часу ночи. Засыпать он начал только ближе к двум. Последним, о чем он успел подумать, было стойкое ощущение приближения чего-то ужасного. Нечто еще не успело коснуться его, но он знал, что вскоре столкнется с этим один на один.

Оно приближалось, и он никак не мог это остановить.

5. Джессика

Из воспоминаний о дне похорон Джессику выдернул чей-то голос. Она отвела глаза от экрана телевизора и обнаружила перед собой покрытое прыщами и редкими волосиками лицо молодого бармена. Он смотрел на нее с выражением, напоминающим одновременно сочувствие и нетерпение.

– Простите, вы что-то сказали? – переспросила Джессика.

У парня в ушах были огромные черные тоннели. У девушки вдруг создалось впечатление, что она обращается именно к этим зияющим дырам.

– Я спросил, вы в порядке? – повторил бармен. – У вас такое лицо, как будто вы призрака увидели.

– Да просто никак поверить не могу, что это тут у вас такое творится, – Джессика махнула рукой в сторону телевизора. На экране вновь показывали блондинку. – Не такие новости хочется слушать, когда сам ночуешь в мотеле.

– Ставлю десять баксов на то, что она была шлюхой, – заметил парень. – Налить чего-нибудь?

Он был высок и так тощ, что совершенно не походил даже на человека, которому продадут алкоголь, не говоря уже о том, чтобы самому становиться за стойку. Это совершенно точно не сам Эйс Фриман, у которого когда-то работала Элеанора Лавелль, подумала Джессика. Когда исчезла Алисия, этого пацана, наверное, и на свете еще не было. Впрочем, лучше меньше, чем ничего, раз уж она сюда пришла.

– Скотч. И пиво.

– Какой скотч?

– Поприличнее.

– А пиво?

– Похолоднее.

Он пожал плечами – они так и подпрыгнули под футболкой с названием какой-то незнакомой ей группы – и плеснул в стакан виски на пару пальцев. Сняв крышку с пивной бутылки, он подвинул все к девушке. По темному стеклу катились крошечные капельки. Джессика схватила бутылку и одним глотком опустошила ее на добрую треть.

После этого она принялась осматриваться и случайно пересеклась взглядом с одним из посетителей. Он улыбнулся и приподнял бейсбольную кепку. Наверное, этот жест должен был выдавать хорошее воспитание, но все равно получился каким-то склизким. Видок у этого персонажа был такой, словно он носил свою кепку не снимая аж с последнего удачного матча в конце восьмидесятых. Ко всему прочему он, похоже, годился ей в отцы. Джессика состроила разочарованную мину и отвернулась.

– А Эйс Фриман тут все еще работает? – спросила она у бармена.

– Ага.

– Он сегодня на месте?

– Не-а, отдыхает. Передать ему что-нибудь?

– Не стоит.

Паренек слегка нахмурился, а затем кивнул на стоявшие перед Джессикой бутылки:

– Еще что-нибудь?

Она покачала головой и бросила на стойку пару купюр. Заметив, что сдачу он может оставить себе, она направилась к одному из пустых столиков у противоположной стены, все еще чувствуя на себе взгляд незнакомца в кепке.

На столе обнаружилось множество еще липких круглых следов от донышек других бутылок. Джессика плюхнулась на сиденье, открыла ноутбук и блокнот и вытащила из сумки ручку.

Перевернув страницу в блокноте, она крупными буквами написала имя Джейсона Прайса, трижды подчеркнула его и поставила большой вопросительный знак. Ей определенно хотелось знать, что лос-анджелесский коп забыл на похоронах ее отца на другом конце страны. При этом, разумеется, нельзя было забывать и о главной цели – деле Лавелль.

Она вытащила втиснутое между солонкой и перечницей меню и принялась изучать его в поисках пароля от сети. Нашла! Iheartacesbar, ну что за пошлость...

Она закатила глаза, но все же ввела пароль.

Чтобы понять, кто вырос из девочки на фото, не нужно было использовать никакие новые технологии. Джессике нужно было только понять, загрузили ли изображение на сайт намеренно или по ошибке. Всегда существует человеческий фактор, да и любители плохих шуток тоже находятся – например, тот, кто подписался как Джон Доу.

Этим именем раньше называли по тем или иным причинам оставшихся неизвестными лиц мужского пола – например, жертв разных преступлений. Если бы ссылка, которую этот человек прислал ей в письме, вела на любую другую анкету, Джессика бы подумала, что имеет дело с обыкновенным фанатом криминальной хроники. Такие люди иногда рассылали письма сразу нескольким заинтересованным лицам, надеясь подобным образом получить хоть немного информации по давним делам.

Неужели это простое совпадение? Откуда анонимному отправителю было знать, что к этому делу может быть причастна она сама? В совпадения Джессика не верила.

В Нью-Йорке у нее был талантливый знакомый, специалист по компьютерной безопасности, которого можно было попросить разобраться с письмом и вычислить отправителя по IP-адресу. Разумеется, это бы потребовало некоторого времени – и денег. Впрочем, если Джон Доу понял, как связаны Джессика и Алисия Лавелль, он, должно быть, действительно умен. Обычным глупцом, рассылающим случайные письма со своего обычного ноутбука, он точно не был. Ну да что с того? Она все же переслала письмо знакомому, попросив его раздобыть хоть какую-то информацию, и вернулась к поискам.

Открыв поисковую страницу Google, она заметила, что у нее дрожат руки. Глубоко вздохнув, Джессика набрала запрос «Алисия Лавелль», кликнула на кнопку поиска и перешла на вкладку с изображениями. Большая их часть относилась к другим новостям; на них изображались другие Алисии – преимущественно Киз и Сильверстоун.

Впрочем, первые десять картинок *вполне подходили*. Шесть из них оказались разными вариантами знакомого ей фото – разное качество, разное разрешение. Четыре – вариантами другого снимка.

Одежда, фон – другие. Девочка та же самая.

Алисия Лавелль. Джессика Шо.

Черт.

Она принялась искать новостные сводки, но не нашла никаких упоминаний ранее начала девяностых. В сети этих выпусков наверняка не было. Найденные фото Алисии Лавелль были либо размещены на сайтах с объявлениями о пропавших, либо прикреплены к «юбилейным» колонкам последних пятнадцати лет.

Элеаноре Лавелль, останься она в живых, сейчас было бы около пятидесяти лет. Умереть за последние двадцать пять лет она могла в любое время и по любой причине. Ее мог переехать автомобиль, скосить неизлечимая болезнь... Да что там, она вполне могла решиться на самоубийство, лишь бы наконец справиться с болью от потери дочери. Тут, понятное дело, могло быть замешано что угодно.

Судя по более поздним заметкам, ответственные за дело Лавелль полицейские просто не сразу обнаружили, что у них в департаменте все еще лежит нераскрытое дело. Но дела было два. Во-первых, той ночью пропала трехлетняя девочка. Во-вторых, была убита ее мать.

Первое фото, которое Джессика увидела в Сими-Вэлли, оказалось обрезанным куском более крупного снимка. Она нашла оригинал.

Маленькая Алисия, голубоглазая темноволосая девчушка, прижимала к себе куклу Барби. Барби была без головы – как и та кукла, которую Джессика таскала с собой чуть ли не до десяти лет. Сбоку же от девочки присела на корточки Элеанора Лавелль. Джессика уставилась на лицо женщины. У нее были ярко-рыжие волосы и голубые глаза, как и у матери Джессики, но это, конечно, были две разные женщины. Мать Джессики звали Памела Арнольд. Она погибла в автокатастрофе, когда Джессика была еще совсем малюткой. Однажды Тони рассказал ей о том случае. Все произошло пятничным вечером. У них закончились кофе, молоко и булочки, а Памеле к тому же ужасно хотелось бокальчик белого. Она взяла со столика ключи от машины и отправилась в магазин. Домой она так и не вернулась.

Заваленную камнями и стволами деревьев машину нашли у подножья холма, приблизительно в ста футах от крутого поворота. Автомобиль сжался в гармошку. Тони сказали, что у Памелы не было ни малейшего шанса; скорее всего, она умерла прямо на месте. Причины, по которым она свернула с дороги, так и не были установлены. Возможно, она налетела на дикое животное или на соседней полосе оказался подвыпивший водитель... Об этом можно было только догадываться.

На память о матери Джессике осталось одно-единственное фото. Она засунула руку в сумку, нащарила кошелек и вытащила из него снимок. Его сделали осенью – об этом можно было догадаться по множеству лежавших на земле красно-желтых листьев. На Памеле был изумрудно-зеленый вязаный берет и такой же шарф. На руках она держала ребенка примерно шести месяцев от роду. На обороте знакомым угловатым почерком Тони было написано: «Памела и Джессика. Октябрь 1989».

Джессика сравнила выцветшую карточку с фотографией на экране. Памелу и Элеанору действительно объединял похожий цвет волос и глаз, но в остальном они были совершенно друг на друга не похожи.

А вот насчет Элеаноры и Джессики этого утверждать было уже нельзя. Если бы они сидели в этом баре вдвоем, рядышком или друг напротив друга, разницу между ними можно было бы заметить только благодаря отдельным – хоть и ярким – отличиям.

У Элеаноры волосы были рыжие и ниспадали на плечи густыми волнами, у Джессики – короткие, до подбородка, выбеленные дешевым раствором перекиси.

Кожа у Элеаноры была бледная, с небольшим количеством светлых веснушек; Джессика после долгих месяцев на юге приобрела глубокий золотистый загар.

Глаза у них обеих были голубые, только у Элеаноры их оттенок напоминал полуденное небо над пустыней, а у Джессики – скорее сероватый цвет океана в непогожий день.

У Элеаноры не было пирсинга, татуировок или родимых пятен; от плеча до запястья по правой руке Джессики тянулся сложный рисунок, а в левой ноздре поблескивал маленький камешек.

Сходства в их лицах тоже явно просматривались: длинный прямой нос, небольшой, словно цветочный бутон, рот, острая линия подбородка.

Джессика глотком осушила стакан скотча и зажмурилась, чувствуя, как ей обжигает рот и гортань. Не открывая глаз, потерла себе виски; их омывала легкая боль.

Кто-то скользнул за ее столик. Заскрипела, натягиваясь, старая кожа противоположного диванчика. Глухо стукнули о деревянную поверхность еще два стакана. Джессика глубоко вздохнула и открыла глаза, будучи уверена, что перед ней окажется неприятный тип в бейсбольной кепке.

Она ошиблась. Перед ней сидел совершенно и безоговорочно потрясающе выглядящий мужчина. Вид у него был такой, будто он только что вышел со съемок голливудского кино и случайно оказался в баре Эйса вместо дорогого ресторана.

Мужчина кончиком пальца пододвинул к ней один из стаканов – судя по всему, наполненный виски, – и неровно усмехнулся. После таких улыбок, подумала Джессика, он, наверное, частенько оказывался в чьей-нибудь постели или посреди драки.

Ему было около сорока. Зеленые глаза, темные волосы, завивающиеся у шеи; простая черно-красная рубашка; через грудь шел ремень дорогой кожаной сумки. Их колени соприкасались – видимо, у него были длинные ноги.

– Вы частный детектив, – сказал мужчина так, что прозвучало как утверждение.

– Слухи тут быстро разлетаются, – заметила Джессика.

– Я узнал об этом от Хоппера. Тоже проживаю в мотеле.

Джессика изогнула бровь:

– Правда? А я-то думала, за двадцать пять баксов в сутки можно ожидать чуть большей конфиденциальности.

Мужчина отпил виски и глянул на нее поверх стакана.

– Не сердитесь на Хоппера, – попросил он. – Он хороший малый, знал, что я хочу узнать, кто спрашивает про дело Лавелль. Знаете, меня тоже интересует эта тема. Все-таки скоро годовщина.

– А вы кто будете?

– Джек Холлидей.

– Журналист.

Эта фраза также прозвучала как утверждение.

– Как вы догадались? – удивленно взглянул на нее Холлидей.

– Я же детектив. Догадываться – моя работа.

Одна из статей, которую она успела прочесть, принадлежала перу Холлидея, но ему об этом знать было вовсе не обязательно.

– Вы же из Нью-Йорка, правильно? – спросил он.

– Дайте-ка догадаюсь, это вы тоже от Хоппера узнали?

– Пойман с поличным. Только вот если вы из Нью-Йорка, то почему занимаетесь делом Лавелль? Тут своих детективов достаточно.

Джессика глотнула виски. Она предпочла промолчать.

– Вам разрешено здесь работать? – давил Холлидей. – Что говорит закон?

Джессика опустила стакан и холодно взглянула на журналиста:

– Хотите проверить мои документы? У меня есть лицензия на работу в штате Нью-Йорк. Если дело приводит меня в другой штат, я вправе продолжить расследование на нужном месте. Но должна заметить, что это не ваше дело.

Вообще-то она не имела никакого права работать над делом ни в Калифорнии, ни в других штатах, которые она посещала до этого, но в Нью-Йорке ей делать было абсолютно нечего. Пока она предоставляла своим клиентам то, чего они хотели, они даже не думали заикаться о бумагах и законах.

– Могу ли я в таком случае предположить, – продолжил Холлидей, – что ваш загадочный клиент в настоящий момент находится в Нью-Йорке?

– Что хотите, то и предполагайте.

– Вы только что сказали, что работаете в любом штате, если первоначальный заказ поступает из Нью-Йорка.

– Я выразилась в общих чертах. Это не обязательно относится к текущему делу. Да, насчет этого есть законы; нет, я не всегда им подчиняюсь. Почему вы вообще ко мне прицепились?

– Просто уже давно слежу за этим делом, – ответил Холлидей, – если смогу в нем разобраться, думаю, мне грозит Пулитцер. Может быть, повезет и даже получится опубликовать книжку.

Мужчина шутливо улыбнулся, но Джессика поняла, что он не шутит.

– Желаю вам удачи, – сказала она, – но, если позволите, у меня своей работы достаточно.

Он кивнул в сторону ноутбука:

– В сети информации почти нет. Поверьте мне, я проверял. Есть кое-какие заметки, половина из которых написана мной самим, да парочка теорий на всяких форумах. Больше вы ничего не найдете.

Он наклонился вперед, и Джессика почувствовала, как хорошо от него пахнет: мыло, пряный лосьон и виски.

– Вы говорили с копами?

– Еще нет.

– За расследование отвечал некий Билл Джеерсен. Несколько лет назад он ушел на пенсию. Остальные вас и на милую не подпустят к бумагам. Технически, кстати, дело все еще открыто, пусть им и не занимались, а вы не здешняя.

– Но я ведь могу их попросить.

– Откажут.

– Что насчет взятки? Или воровства.

Холлидей снова улыбнулся:

– Не нужно жертв. У меня есть знакомый в архиве.

Он похлопал по сумке.

– А еще я захватил копии всех документов.

– И вы мне это рассказываете, чтобы?..

– Подумал, вдруг вы захотите скооперироваться. Сможете опереться на мое плечо, а я на ваше.

– Не думаю, что степень нашего знакомства предполагает такой тесный физический контакт.

Холлидей рассмеялся:

– Я просто хотел сказать, что готов поделиться найденным. Если, конечно, вы сами поделитесь.

– Я только что приехала и еще ничего не нашла. По крайней мере, пока.

– Не скрытничайте. Мать Элеаноры Лавелль была пьянчужкой и окончательно перебрала, когда та была еще девочкой. Большую часть детства Элеанора провела в приюте. Сведений об остальных членах семьи нет.

– И?

– Ну и кто вам тогда платит за работу? Назовите мне имя того, кто вас сюда послал, и тогда я покажу вам бумаги.

Джессика покачала головой:

– Нет.

Журналист кивнул, как будто она ответила ровно так, как он и ожидал.

– Обдумайте это. Я остановился в шестом номере. Теперь вы знаете, где меня найти, если передумаете.

Он допил виски и исчез. Джессика осталась сидеть перед ноутбуком, не отводя взгляда от фото Элеаноры и Алисии Лавелль. От своего собственного лица.

6. Элеанора

2 октября 1992 года

Элеанора Лавелль засунула в щель пару двадцатипятицентовых монеток и аккуратно набрала номер с клочка бумаги, который она сжимала в левой руке. В ушах у нее шумело так, что гудки слышались словно сквозь толстый слой ваты. Она крепко держала трубку, выскальзывавшую у нее из потных ладоней. Гудки продолжались. Элеанора уже была готова повесить трубку, когда разлаялся щелчок. И после паузы:

– Алло?

– Это я, – ответила Элеанора.

Снова наступила тишина. Элеанора закрыла пальцем второе ухо, пытаясь не обращать внимание на уличный шум.

– Это Элеанора, – повторила она, – Элеанора Лавелль.

– Я знаю, кто это. Как ты нашла этот номер?

– Он был в списке.

– Ты с ума сошла вот так мне звонить? Сказано же было так не делать.

– От вас, ну, не было ничего слышно, – пролепетала Элеанора.

Голос у нее дрожал; пришлось дать самой себе моральный подзатыльник. Если она даст понять, что боится, хоть как-нибудь это проявит, все будет кончено. Она проиграет. Нельзя было этого допустить.

Ее взгляд упал на приклеенную на стенку будки листовку. На ней была изображена молодая большегрудая женщина в тесном красном лифчике и крошечных кружевных трусиках. Она сидела, раздвинув ноги и засунув палец в рот; выражение ее лица так и кричало: «Приди и возьми меня!» Это была реклама голливудского стриптиз-бара.

Элеанора отвернулась от листовки.

– Я не шучу, – сказала она в трубку, – у вас было полно времени. Я устала ждать.

– Было же сказано, я обо всем позабочусь.

– Когда? Время на исходе. Знаете же, что будет, если вы не успеете.

– Скоро.

– Как скоро?

– Скоро, – раздался второй решительный ответ, и в трубке послышались гудки.

– Черт!

Элеанора так яростно кинула трубку, что та соскользнула со своего места и вяло повисла на металлическом проводе. Ей пришлось еще раз аккуратно повесить ее на место, сделать глубокий вдох и открыть дверь будки.

Ее дочь терпеливо ждала снаружи, наблюдая, как владелец бакалейной лавки подметает тротуар перед входной дверью. Стояла ранняя осень, было еще тепло, и Элеанора почувствовала, как джинсы и свитер прилипают к вспотевшему телу. Улица была заполнена людьми. Она узнала парочку давних завсегдатаев бара, в котором когда-то работала. Они помахали ей руками, пришлось улыбнуться в ответ.

– Mamochka, ты ругалась, – широко раскрыв глаза, сказала Алисия. – По телефону. Я слышала.

– Я знаю, милая, прости. Mamochka немного разозлилась.

– Ты злишься?

Элеанора улыбнулась и присела на корточки, чтобы оказаться с дочерью лицом к лицу.

– Нет, уже не злюсь. Mamochka счастлива. Знаешь почему?

– Почему ты счастлива, мамочка? – хихикнула Алисия.

– Потому что мы скоро полетим в большом красивом самолете! Тебе ведь понравится, правда?

– Да! Куда мы полетим?

– Далеко-далеко. Мы встретим там Микки-Мауса и будем веселиться, хорошо?

Глаза Алисии засияли.

– А Барби полетит?

Девочка вытянула вперед свою куклу. Голова у той была откручена. На ней были ботиночки Кена и его шорты. Элеанора надеялась скоро занять что-нибудь на замену.

– Конечно, Барби может лететь с нами.

– Когда мы встретим Микки? – спросила Алисия.

– Скоро!

– А дядя Робби полетит?

Улыбка исчезла с лица Элеаноры.

– Нет, не полетит. Мы будем вдвоем, милая. Только ты и я. И Барби.

7. Прайс

Прайс бросил на стол перед Виком Мединой коричневый пакет и вручил ему бумажный стакан с кофе. Тот сделал глоток и одобрительно кивнул.

– Двойной сахар и побольше сливок, – заметил Прайс, – я уже выучил, что ты берешь.

Медина развернул пакет, вытащил из него теплый пухлый бублик и понюхал его.

– Ммм, творожный сыр, – улыбнулся он, – мой любимый.

Он как следует надкусил бублик и с набитым ртом добавил:

– Ты же знаешь, что день рождения у меня только в следующем месяце?

Прайс уселся за рабочий стол, выложил на салфетку собственный бублик и разрезал его на части пластиковым ножом.

– Не успел позавтракать дома, – объяснил он, берясь за свой кофе. Ему нравился самый простой черный, без сахара. – К концу дня буду на девяносто процентов состоять из кофеина.

– Тяжкая выдалась ночь?

Прайс кивнул:

– Она была всего на пару лет старше Дион.

Ему не нужно было объяснять Вику, о ком идет речь.

Он засунул кусок бублика в рот и понял, что совершенно не голоден.

– Давай-ка еще раз посмотрим, что у нас есть.

Медина подкатил свое кресло поближе к его столу. Прайс открыл большую папку на кольцах. Место заявления о пропаже, которое подала соседка Эми по общежитию, заняли документы по делу о расследовании убийства. Они раскрыли раздел с показаниями свидетелей.

– Итак, мы поговорили с Томми Гетцем, управляющим в мотеле. Он сообщил, что Эми заселилась в комнату «Дримца» субботним вечером. Гетц не помнит, во сколько именно это произошло, но он совершенно точно помнит саму девушку, «молоденькую и горячую», по его словам. С ней был, как он выразился, «старый жирный мужик». Согласно показаниям Гетца, мужчина расплатился наличными. Камера за стойкой, к сожалению, сломана, поэтому визуальных доказательств у нас нет. То же самое на стоянке.

Вик Медина фыркнул:

– Вот же сюрприз! В этом местечке такое происходит, что я бы удивился, если бы там работала хоть одна камера.

– Тело было найдено в среду. Его обнаружила горничная, Джеки Сальвас, – продолжил Прайс. – С воскресенья она была на больничном и на работу не выходила. Больше в комнату никто не заходил, так что труп Эми Онг пролежал там более трех дней.

– Я разговаривал с Сальвас, – ответил Медина, – она порядком испугалась. Она знала, в каком месте работает, и пару раз находила трупы, но это преимущественно были всякие торчки. Чтобы молодая девушка, да еще и такая изрезанная, – это у нее впервые.

Прайс нахмурился:

– Но три дня! У них что, нет дополнительной горничной на случай, если эта заболит или уйдет в отпуск?

– Я вообще удивлен, что у них есть горничная, – пожал плечами Медина.

– Справедливо. Но убийца в принципе не очень-то прибирался. Криминалисты сняли отличные отпечатки с бутылки виски и пластиковых стаканов; надеюсь, этого будет достаточно. Со вскрытия что-нибудь есть?

– Прислали предварительный отчет сегодня утром.

Медина потянулся к своему столу, схватил пачку бумаг и передал их Прайсу. Тот принялся читать.

– Время смерти – между девятью часами вечера субботы и часом ночи в воскресенье, – наконец подытожил Прайс. – Причина – острая сердечная тампонада, произошедшая в результате пенетрации перикарда.

Медина состроил непонимающее лицо.

– Удар в сердце, – пояснил Прайс. – Это было смертельно. Всего ей нанесли одиннадцать колотых ран, сломали нос и поставили несколько синяков на левой скуле. Также в процессе борьбы был отрублен мизинец. Еще, судя по отчету, незадолго до смерти Эми занималась с кем-то сексом.

– Думаешь, ее изнасиловали?

Прайс нашел нужный абзац и покачал головой:

– Нет, на половых губах не было найдено следов синяков или разрывов. Из этого следует, что акт был добровольным. Следов спермы нет; они использовали презерватив.

– Который мы не нашли, – добавил Медина, – наверное, смыли в унитаз.

Прайс тяжело вздохнул.

– А еще тут говорится, что она была беременна. Уже где-то три месяца.

– Черт побери. Но зачем тогда был презерватив?

– Может быть, она не знала о ребенке. Или отцом был не этот человек. В наши дни молодым девушкам следует оберегать себя не только от беременности.

– Ну да.

– Так, что у нас в таком случае есть? – уточнил Прайс. – Эми Онг идет на свидание, все проходит как нельзя лучше, и они решают продолжить вечер в «Дримце». Скорее всего, немножко выпивают... Что потом?

– Может быть, этому парню нравилось пожестче? – предположил Медина. – Например, он немножко пошлепал ее в процессе, она не оценила и все вышло из-под контроля?

– Возможно. Но на теле было белье и полотенце. Скорее всего, ее убили уже после того, как они закончили.

– Ладно. Может быть, он хотел еще разок, а она нет, и получилось, как получилось. Или он все-таки был отцом ребенка и плохо воспринял новости.

– Возможно, – повторил Прайс. Он закрыл глаза и потер лицо ладонями. – Или это было не совсем обычное свидание.

– О чем ты? – непонимающе переспросил Медина.

– Соседка Эми сказала, что не знала, куда та направляется и с кем будет встречаться. Тебе это не кажется странным?

– Ну может быть. Но откуда я знаю, о чем женщины друг с другом разговаривают?

– Вот!

Прайс оглядел комнату и заметил неподалеку их коллегу, Сильвию Родригес.

– Привет, Сильвия, – позвал он, – подойдешь на минутку?

Сильвия, невысокая брюнетка, была на пару лет младше Прайса. Она заработала свой значок приблизительно в двадцать пять, после того как выпустилась из юридической академии и наконец определилась, чем именно хочет заниматься.

– Что такое? – она присела на краешек стола Медины. – На вас вроде бы дело Онг? Грязное, кажется.

– Мы хотели тебя кое о чем спросить, – заметил Прайс. – Когда ты в последний раз была на свидании? Чем горячее, тем лучше.

Родригес приподняла бровь и по очереди посмотрела на них обоих, а затем подняла левую руку и указала на тонкое золотое кольцо:

– Прайс, если ты пытаешься позвать меня на ужин, то опоздал примерно на пятнадцать лет.

Она подмигнула.

– Но если мы пойдем в тот новенький модный итальянский ресторан, я, может быть, и подумаю.

Прайс засмеялся:

– Ага, а если Энжи нас вычислит, вместо фрикаделек нам подадут мои собственные яйца.

– Так почему ты спрашиваешь про свидания? – уточнила Сильвия.

– Ты же ходила в университет, правда?

– Ага, пока не вычислила, что ловить плохих парней интереснее, чем изучать, как бы оставить их на свободе.

– Вернись-ка на несколько лет назад. Если бы у тебя было свидание вечером в субботу, ты рассказала бы об этом соседке по комнате? Особенно если бы вы были лучшими подружками.

– Конечно. Мы бы как минимум пару часов выбирали мне лучший наряд, делали прическу и макияж. А еще обсудили бы, серьезно парень настроен или не очень. Все же зависит от места, куда он тебя поведет.

– Что? – удивился Вик.

– Если вы идете в бар пропустить по стаканчику, он, скорее всего, просто хочет перепихнуться. Ужин в хорошем ресторане? Наверное, ты ему действительно нравишься. Зовет прокатиться в машине с пивком в багажнике? Забыть как страшный сон.

– И кто бы знал, как все сложно! – воскликнул Вик.

– А как дела бы обстояли сегодня? – продолжал Прайс. – Насколько подробно вы бы об этом говорили?

– О, у нас было бы куда больше материала для обсуждения, – засмеялась Сильвия. – Сейчас ведь есть соцсети; парня наверняка разберут по косточкам еще до того, как девушка согласится на свидание.

– Именно это я и хотел услышать, – сказал Прайс. – Спасибо, Сильвия.

– Рада, что помогла.

Медина проследил, как Сильвия вернулась к своему столу, а затем повернулся к Прайсу:

– И что теперь?

– Съездим к Кейси Тейлор и узнаем, почему она нам соврала.

* * *

Стояло позднее утро. На Голливудском шоссе образовалась небольшая пробка; Прайсу и Медине пришлось около сорока минут ждать поворота к восточной части города. Там возвышалось небольшое цилиндрическое здание, выкрашенное в оттенки бежевого и терракотового. Над экраном, приветствовавшим посетителей кампуса, ярко-желтыми буквами было выведено: «Калифорнийский университет Лос-Анджелеса».

Прайс подъехал к будке администратора и подождал, пока в окошко не выглянет пожилая женщина с серебристыми волосами и сморщенным, словно печеное яблоко, личиком.

– Чем могу помочь?

Прайс показал женщине свой значок.

– Детектив Прайс, – представился он, – и мой напарник, детектив Медина. Мы расследуем дело об убийстве Эми Онг и хотели бы поговорить с ее соседкой, Кейси Тейлор. Не знаете ли вы, дома ли сегодня мисс Тейлор?

Женщина хмуро кивнула:

– Ваши коллеги здесь уже были. Такое несчастье, конечно. Подождите минуту, пожалуйста.

Она снова исчезла в глубине будки и забарабанила по клавиатуре. Потом вернулась к окошку и сказала, что Кейси Тейлор было выдано освобождение от занятий до конца этой

недели, но ее можно найти в общежитии. Затем протянула Прайсу разрешение на парковку и рассказала ему, как добраться до нужного места.

Машина въехала на территорию и миновала здание студенческого союза, перед которым было припарковано множество велосипедов. Сами студенты прогуливались по тротуару или пили колу на многочисленных лавочках. Прайс обогнул большое красное здание и остановил машину перед концертным залом.

День стоял чудесный; над головой сияло синее небо, а в воздухе чувствовалось приятное тепло. Прайс и Медина пересекли парковку, лавируя между множеством самых разных студентов, прижимавших к себе сумки и папки с бумагами.

– Знаешь, – обернулся Медина, – а мне следовало бы пойти в колледж. Окружил бы себя вот такими прекрасными умными молодюшками, а не потными будущими копами.

– Это в твои-то годы? – съязвил Прайс, оглядывая напарника: небесно-голубые джинсы, облегающая белая футболка, черная кожаная куртка и новомодные очки.

Медина пропустил колкость мимо ушей и откинул назад длинные черные волосы.

– Ну и стал бы великовозрастным студентом, разве плохо, – заметил он. – Сделал бы из себя человека.

– Никогда не поздно, расслабься. Но ты же знаешь, что для колледжа нужны мозги, правда?

Они подошли к исчезающей между деревьями и кустами серой каменной лестнице. Она вела к нескольким двух- и трехэтажным домикам. Отсюда открывался отличный вид на Западные холмы и рассыпавшиеся по ним жилые кварталы. Оба полицейских ненадолго задержались на террасе, наслаждаясь пейзажем и солнечным теплом, а затем шагнули на первую ступеньку.

* * *

Квартира Кейси Тейлор располагалась на втором этаже, в конце затемненного лестничного пролета. Медина легонько постучал в дверь, и через какое-то время они услышали шаги. Дверной глазок потемнел, и они оба вытянули вперед свои значки.

– Мисс Тейлор? – громко спросил Прайс. – Это детективы Прайс и Медина. Мы из полиции Лос-Анджелеса. Можно ли задать вам несколько вопросов?

Послышался скрежет металлической цепочки, и на пороге появилась худощавая светло-волосая девушка в мягких серых брюках и свободной розовой футболке. Волосы у нее были взлохмачены, вокруг глаз на бледном истощенном лице словно фиолетовой краской очерчены темные круги.

– Заходите.

Они последовали за ней в небольшую прихожую. Налево размещалась небольшая кухонька, направо – раздвижные двери на балкон.

– Хотите чего-нибудь? – предложила девушка. – Чаю, кофе, воды?

Прайс и Медина покачали головами, и она опустилась на двухместный голубой диванчик – вовсе не уютный, скорее практичный, как офисная мебель. Поджав под себя ноги, она провела рукой по нерасчесанным волосам.

– Простите мой вид, – извинилась она. – Доктор прописал мне успокоительные, я встала всего полчаса назад. Еще даже не была в душе.

Прайс присел перед ней:

– Все в порядке, Кейси. Мы не отнимем у вас много времени.

– Я уже давала показания офицерам, которые были тут вчера.

Прайс обернулся к Медине, застывшему в дверном проеме:

– Мы хотели бы задать еще пару вопросов об Эми.

Когда прозвучало имя подруги, карие глаза Кейси наполнились слезами. Девушка моргнула, и у нее по щеке поползла крупная капля. Она шмыгнула носом и вытерла лицо тыльной стороной ладони.

– Что вы хотите знать?

– Как вы с Эми познакомились? – спросил Прайс. – Вы были на одном курсе?

– Нет, мы подружились, когда нас обеих вселили сюда. Эми учится... *училась* на криминалиста. Понятия не имею, чем именно она там занималась, – Кейси грустно улыбнулась, – но она была жутко умная.

– А вы?

– Я на театральном, это совсем другое, но Эми часто помогала мне с письменными заданиями. Когда я закончу университет, то стану актрисой. Я уже снялась в паре роликов.

Прайс знал, что в этот момент Медина закатывает глаза. В Лос-Анджелесе у каждого встречного был знакомый, мечтавший о карьере на сцене.

– Вы с Эми были очень близки, так?

Кейси кивнула:

– Да, жили вместе два года. Она была моей лучшей подругой.

В конце фразы у нее снова полились слезы. Девушка прикрыла лицо руками и затряслась от плача.

– Простите, пожалуйста. Мне так ее не хватает...

Прайсу подумалось, что девушка, похоже, и вправду безутешна. Если, конечно, не притворяется, а то Дженнифер Лоуренс придется посторониться. Он подождал, пока девушка более-менее придет в себя, а затем наклонился к ней.

– Мы хотим поймать того, кто напал на Эми, – мягко сказал он, – но для этого нам нужна помощь, Кейси.

Кейси взглянула на него и кивнула:

– Хорошо.

– Когда Эми впервые рассказала, что пойдет на свидание?

– Не помню точно... кажется, за день до этого.

– Как она познакомилась с этим человеком?

– Кажется, в интернете.

– На сайте для знакомств?

– Ага. Или в приложении. Их тут все используют.

Прайс вспомнил показания Томми Гетца.

– Это был студент или кто-то постарше?

– Я не знаю, – пожала плечами Кейси.

– Она назвала его имя? Откуда он?

Девушка покачала головой.

– В приложениях ведь обычно видно фотографию, так? Эми показывала профиль этого человека?

– Нет.

– А что насчет самого свидания? Она сказала, где они встретятся? Куда он ее поведет? В какой бар или ресторан?

Кейси отвела глаза и начала покусывать ногти:

– Она ничего такого не говорила.

Врать она не умела совершенно. Дженнифер Лоуренс могла расслабиться.

– Знаете, у меня у самого дочь, – сменил тему Прайс. – Всего на пару лет моложе. Ее зовут Дион, и у нее есть лучшая подруга, Шелли. Они неразлучны.

Кейси уставилась на него, выжидая, к чему он клонит.

– Уж что-что, – продолжал Прайс, – а болтать обо всяком с лучшими подружками молодые девушки любят как никто другой. Дион может болтать с Шелли часами. Мальчики, покупки, школа, телешоу, симпатичные знаменитости... Да о чем угодно. Если честно, я пару раз даже подслушивал. Про Джастина Бибера вот много говорили.

– И?

– И я к тому, Кейси, что друзья обычно все друг другу рассказывают.

– Я уже рассказала все, что знала.

– А мне кажется, нет.

Глаза Кейси сузились.

– Не понимаю, о чем вы.

– Эми ведь рассказала, с кем она идет на свидание, правда?

Девушка снова отвернулась:

– Нет.

– Ну все, хватит! – закричал Прайс. Кейси и Медина так и подпрыгнули. – Мы пытаемся поймать того, кто убил твою лучшую подругу. Думаешь, я поверю, что Эми абсолютно ничего тебе не сказала?

– Я ничего не знаю, – надула губки девушка.

– Ты мне лжешь, и я хочу знать, почему. Кого ты пытаешься защитить? Эми? Его? Себя?

– Я ничего не сделала! – резко воскликнула Кейси.

– А Эми? Что сделала Эми?

– Ничего.

– Тогда расскажи, с кем она встречалась в прошлую субботу. Мы должны поймать этого человека, чтобы такого больше ни с кем не повторилось. Или ты этого и хочешь? Чтобы он убил еще одну девушку? Хочешь, чтобы это было на твоей совести?

Кейси вздохнула, закрыла глаза и осела на подушках, как тряпичная кукла. У нее по щекам снова полились слезы.

– Это было не свидание, – наконец выдавила она.

– Что?

– Я сказала, что это было не свидание. Что, рады?

У Прайса завибрировал телефон, но он сделал вид, что не замечает этого.

– Тогда что это было, если не свидание?

Кейси пожевала нижнюю губу:

– Эми называла это деловыми встречами.

– Что еще за деловые встречи?

– Мне правда нужно все это рассказывать? – округлила глаза Кейси.

– Уж пожалуйста.

На этот раз запиликал телефон Медины. Он вышел в прихожую; послышался приглушенный разговор.

– Эми слетела с одной из своих стипендий, – Кейси вытянула руку и обвела комнату. – Это, конечно, не отель, но жить тут недешево. А еще нужно платить за учебу. Она знала, что у родителей денег нет от слова совсем, но и возвращаться в Огайо не хотела. Она совсем отчаялась.

– И она занималась сексом за деньги?

– Послушайте, она не шаталась по улицам. У нее не было сутенера, она не принимала наркотики. Это случилось один-два раза в месяц, с проверенными парнями.

– Чья очередь настала в прошлую субботу?

– Она называла его Фрэнк. Они встречались раз пять или шесть. Это все, что я знаю. Вам придется поверить мне на слово. Я сразу сказала Эми, что не хочу ничего знать ни об этих мужчинах, ни о том, что они с ней делают.

– Отцом ребенка был Фрэнк?
– Ребенка? – У Кейси отвисла челюсть. – Какого ребенка?
– Эми была беременна. Три месяца.
– Вы лжете, – девушка была явно поражена. – Как она могла забеременеть? Я бы знала.
– Я не лгу, Кейси, ошибки быть не может. Эми совершенно точно была беременна, пусть она сама об этом могла и не знать.

Кейси кивнула. Через пару мгновений ее лицо начало вытягиваться, как будто она наконец что-то осознала.

– Нет, Эми знала, – качая головой, прошептала она, – несколько недель назад она перестала употреблять алкоголь. И сказала, что что-то поднабрала и хочет сбросить вес.

– Почему она тебе не сказала? – мягко спросил Прайс.

– Она знала, что я стану убеждать ее сделать аборт. Вы что, не понимаете? Если она перестала пить, значит, хотела оставить ребенка.

Прайс кивнул.

– А как эти мужчины, с которыми она виделась, вообще ее находили?

– Онлайн. На каких сайтах, не знаю.

– Ее ноутбук у нас. Надеюсь, мы найдем что-нибудь в истории браузера.

– Не найдете. На ноутбуке она только работала. Для... для всего остального она использовала мобильник.

– Он пропал.

– Она всегда носила его с собой, – пожала плечами Кейси.

В двери снова появился Медина. Он поднял свой телефон и указал им на улицу. Прайс поднялся, вытащил из кармана визитку и передал ее Кейси:

– Вот мой телефон. Если получится вспомнить что-то еще, буду ждать звонка. Нам пора.

Уже на лестнице Медина кивнул в сторону закрывшейся двери:

– А ты говорил, для колледжа нужны мозги?

– Кто звонил? – спросил Прайс.

– Криминалисты, – ухмыльнулся Медина. – Есть совпадения по отпечаткам.

8. Джессика

Джессика проснулась от головной боли. Во рту стоял неприятный кислый привкус, ноги запутались в тонких, как папиросная бумага, простынях. Падавший сквозь щель между занавесками тонкий луч высвечивал полоску на пыльном деревянном полу. Через несколько мгновений она наконец вспомнила, где находится. В голову хлынули воспоминания. Вчера, когда Холлидей покинул бар, она заказала еще виски. Потом еще. Потом двойной, на дорожку – от бара до мотеля было не больше десяти минут пешком.

У нее в голове шевельнулась память о чем-то еще, всплыл какой-то мутный, залитый алкоголем неясный образ. Джессика изо всех сил зажмурилась и постаралась вспомнить, что именно пошло не так. Получилось.

Всю дорогу до мотеля она не прекращала чувствовать на себе чей-то взгляд. Она несколько раз оглядывалась через плечо, но видела только пустые парковки и темные витрины. Изредка мелькали фары какой-нибудь машины. Несмотря на это, ее не покидало ощущение, что кто-то движется прямо за ней. Волосы у нее на руках встали дыбом, а сердце колотилось куда быстрее, чем следовало бы.

Теперь алкоголь выветрился. Джессика лежала в запертой на ключ комнате с пистолетом на прикроватном столике. Списать вечернюю паранойю на излишнее количество виски и незнакомый город было куда проще. Тем не менее окончательно избавиться от странного чувства не удавалось.

Джессика отбросила простыни и медленно прошла в ванную. Включив прохладный душ, она постаралась выбросить из головы неприятные мысли и тщательно оттереть грубой рукавицей остатки вчерашнего макияжа. Чтобы избавиться от привкуса виски, пришлось как следует вычистить зубы и дважды прополоскать рот. Промокнув волосы полотенцем, она нанесла на глаза тени, подводку и тушь, а затем натянула короткие черные брюки и полосатую футболку. Чтобы окончательно восстановиться после бурной ночи, надо было раздобыть кофе и хотя бы немного углеводов.

На улице стояла удушающая жара. Безоблачное небо сияло всеми оттенками золотого и бирюзового. Джессика взглянула на дверь соседнего номера; к ней была прибита большая латунная шестерка. Из коридора виднелось и окно шестого номера; занавески были раздвинуты. Пустовала и парковка перед входом. Она повернула налево, к выходу.

В холле не было ни единой живой души. К счастью, на подносе еще осталась горка пончиков. Джессика переложила пару штук на бумажную салфетку, наполнила одноразовый стакан черным кофе и понесла завтрак обратно в номер.

Взяв один из пончиков, она села за стол и открыла ноутбук.

Будучи детективом, Джессика частенько использовала различные базы данных, чтобы найти интересующую ее клиентов информацию. Следующий час она провела, стараясь разузнать как можно больше о прошлом Элеаноры Лавелль. Короткая жизнь этой женщины, как оказалось, складывалась из разрозненных кусков, словно побывавшая в употреблении старая мозаика. Сколько Джессика ни старалась, представить себе полную картину она не могла.

Холлидей не лукавил насчет детства Элеаноры. Ее мать действительно была известной наркоманкой и проституткой. За ней тянулся и шлейф куда меньших, но все же существенных проступков: домогательство, мошенничество, мелкие кражи, пьяные драки, хулиганство. На старом фото из полицейского участка Донна Лавелль представала тощей двадцати-с-чем-то-летней женщиной с неряшливо выкрашенными в светлый цвет волосами (на макушке виднелись отросшие на пару дюймов корни), жестким взглядом и острейшими скулами.

Элеанора Лавелль увидела свет в январе 1967 года. Ее мать умерла всего через семь месяцев после этого. В тот год стояло легендарное Лето Любви, когда десятки тысяч хиппи

шумно путешествовали по всей Америке и протестовали против Вьетнама. Донна Лавелль в это же время побиралась по задним улочкам, надеясь найти очередного любовника или хотя бы дозу героина. Большинство детей цветов выросло, нашло себе работу и состарилось. Ей преодолеть этот путь так и не удалось.

Ее нашли субботним днем в середине июля. Стояла невыносимо жаркая погода. Отражавшиеся от окон лучи солнца плавили асфальт, изнывающие люди совершенно сходили с ума. В районе, в котором было обнаружено тело, соседи не выказывали большой готовности обращаться к копам, но именно так и поступила соседка Донны – она пожаловалась на плач соседского ребенка. Девочка проплакала всю ночь и большую половину дня, и женщина решила, что непутевая мать снова оставила ребенка, чтобы броситься в чьи-нибудь объятия.

Патрульные обнаружили, что Донна оставила дверь незапертой. Войдя, они увидели распростертое на диване тело; на руке затянут дешевый пластиковый ремешок, на животе – грязный шприц. Она была мертва уже несколько дней.

Неподалеку обнаружился и ребенок в испачканном памперсе и засаленном комбинезончике. Девочке очевидно было жарко и хотелось есть. Ее отправили прямиком в ближайшую больницу, а через неделю перевели в приют. Сведений об отце ребенка или других родственниках найти не удалось.

Чем дальше Джессика читала, тем яснее ей становилось, что без раздраженной чужим ребенком соседки ее собственная жизнь могла бы оказаться под огромным вопросом. Не позвони та в полицию, она не сидела бы теперь перед ноутбуком, грызя пончики и попивая кофе. Прежде чем она смогла продолжить чтение, пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Приблизительно до четырех лет Элеанора прожила в приемной семье. Ее собирались удочерить, но этого так и не произошло. Судя по всему, изменились какие-то обстоятельства. Возможно, женщина наконец сумела забеременеть, семья решила переехать в другой штат или попросту поняла, что не вытянет строительство еще одной комнаты для чужого ребенка. Элеаноре не повезло. После этого она успела пожить еще в двух приемных семьях, а затем вернулась в интернат.

А после совершеннолетия она без следа растворилась в воздухе.

Джессика не смогла найти ни единого документа, который бы проливал свет на жизнь Элеаноры на протяжении следующих трех лет. Ни записей о трудоустройстве, ни финансовой отчетности, ни бумаг о владении недвижимостью или автомобилем, ни даже данных о счете в каком-нибудь из банков. Видимо, Элеанора перебивалась случайными наличными заработками в каком-нибудь баре типа того, что держал Эйс, и постоянно переезжала. Впрочем, об этом можно было только догадываться.

Снова она подняла голову – на этот раз как добропорядочная жительница Игл-Рока – только в январе восемьдесят восьмого. Она открыла счет, нашла работу в строительной компании, купила машину и исправно оплачивала налоги.

На работе она продержалась еще десять месяцев. Уход же был связан, вероятно, с подготовкой к рождению ребенка. После появления на свет дочери, Алисии, Элеанора стала довольствоваться социальным пособием. Жила она – вплоть до своей смерти осенью девяносто второго года – все так же в Игл-Роке.

Джессика быстро проверила, не осталось ли в сети информации о деятельности фирмы, где трудилась Элеанора. Ничего не нашлось. Впрочем, все вполне объяснимо. В начале 1993 года компания была продана конкурентам за вполне роскошные по тем меркам шесть миллионов долларов. Сделка была заключена вскоре после смерти владельца, Линкольна Таверньера, его дочерью и наследницей, Кэтрин. Вырученные деньги она позднее использовала для создания своего собственного рекламного агентства. Сеть была наводнена заметками о том, насколько успешной и процветающей бизнес-леди она стала. Джессика поднялась со стула,

потянулась и хрустнула суставами. Найдя на дне сумки упаковку «Мальборо» и небольшую зажигалку, она захватила с собой мобильный телефон и направилась к двери.

Застыв в проеме, она зажгла сигарету и набрала номер агентства Кэтрин Таверньер. За этим последовали короткий разговор с секретарем и минутный отрывок выкрученного на полную громкость Вивальди, после чего Джессике наконец было сообщено, что владелица будет ждать ее сегодня же, к четырем часам, по такому-то адресу.

Она набрала и номер голливудского отделения полиции, однако там ответили, что связаться с детективом Джейсоном Прайсом не представляется возможности, и отказались давать его личный номер. Джессике пришлось ограничиться тем, чтобы оставить свой телефон и подчеркнуть, что ей нужно как можно скорее поговорить с детективом.

Затянувшись в последний раз, Джессика бросила окурочку на землю и растерла его подошвой. Судя по часам, только что миновал полдень. До встречи с Кэтрин Таверньер оставалась еще куча времени. Джессика вернулась в комнату, захватила сумку и ключи от машины, засунула пистолет за пояс брюк и вышла на улицу.

* * *

Редакция местной газеты размещалась в одноэтажном квадратном здании, зажатом между магазинчиком виниловых пластинок и кафе-мороженым. Выставленные на витрине десерты последнего сорта показались Джессике сомнительными, но к дверям тянулся приличный хвост из желающих попробовать десерт со вкусом черного хлеба, жженого сахара и популярных печений в версии «красный бархат».

Джессика покачала головой. *Да уж, такое бывает только в Лос-Анджелесе.*

Магазин пластинок, в свою очередь, пустовал. Из окна было видно только унылого касира, прогуливавшегося вдоль витрины с хитами пятидесятых-семидесятых.

Джессика невольно вспомнила о Тони и о том, как она впервые услышала знаменитый «тюремный» альбом Джонни Кэша. Был вечер субботы. Она вернулась от кого-то из друзей и обнаружила, что на Тони напала свойственная ему меланхолия. Свет в гостиной был приглушен. На кофейном столике красовались полупустая бутылка виски и доверху забитая окурками пепельница. По дому разносился хриловатый, неровный голос Кэша. Тони сидел на диване с неописуемо грустным лицом, какое у него иногда бывало после приличной дозы алкоголя, и смотрел прямо перед собой.

– Что случилось, Тони? – спросила Джессика, прочтя список песен на обложке пластинки. Отца она всегда называла именно так, по имени. – Поймал грустинку?

Он рассмеялся, но она заметила, что улыбка не затронула его глаз. Плюхнувшись на диван, она прослушала еще пару песен, а затем заявила ему, что Джонни Кэш, должно быть, совсем съехал с катушек, если захотел дать концерт в тюрьме.

Тони промолчал, так что она подумала, что он попросту ее не расслышал. Но через некоторое время он заговорил – так низко, что она еле разобрала слова:

– Не все в этом мире черно-белое, Джесс. Случается, хорошие люди совершают ошибки. Невинные попадают за решетку за то, чего они не делали. А вот плохим, правда плохим парням иногда удается уйти от справедливости.

В тот день Джессика так и не поняла, о чем это он, и списала странную манеру разговора на виски и специфическую музыку. Теперь она уже и не была уверена, что хочет знать правду.

Она толкнула толстую стеклянную дверь и вошла в редакцию. За стойкой администрации восседала грузная женщина с соломенными волосами и кислым выражением лица. На ней было бесформенное черное платье; на запястьях при каждом движении позвякивали металлические браслеты. На вид ей можно было дать от сорока до шестидесяти.

Две противоположные стены были увешаны передавицами, призванными запечатлеть историю газеты. Вот новости о жертве местного маньяка, вот похитили восьмилетнюю девочку, вот Бен Аффлек, учившийся когда-то в местном колледже, дает эксклюзивное интервью после «Оскара» за «Умницу Уилла Хантинга». А вот и статья об убийстве местной жительницы и исчезновении ее маленькой дочери.

Джессика отвернулась от знакомого снимка и бросила взгляд в дверной проем за спиной секретарши. Редакции, по ее представлению, обычно выглядели как в старых фильмах – шумная комната, постоянно звонят телефоны, клацают клавиатуры и плотной завесой клубится сигаретный дым. На деле же ее взору открылась тесная перегороденная комнатка с четырьмя рабочими местами, три из которых пустовали. На четвертом, изучая записи в блокноте, пожевывал карандаш молодой сотрудник. В отдалении негромко играло радио. Телефоны хранили молчание. Джессике подумалось, не выстроились ли остальные репортеры в очередь за тем странным мороженым.

Секретарша подозрительно осмотрела ее поверх черепаховой оправы, уделив особое внимание пирсингу и татуировке. Вид у женщины был такой, будто Джессика готовилась перепрыгнуть через стойку и набрать себе бесплатных газет или опустошить архивный шкаф.

– Вам чем-нибудь помочь? – хмуро спросила она и сняла очки, повисшие у нее на груди на металлической цепочке. Она ужасно напоминала Джессике ее нелюбимую учительницу из старшей школы.

Девушка постаралась натянуть как можно более дружелюбную улыбку, но у нее вышло лишь некое подобие гримасы.

– Надеюсь, у вас найдется минутка. Я бы хотела попросить вас об одолжении.

Женщина выгнула брови, надула губы, но не произнесла ни слова.

– Меня зовут Джессика Шо. Я частный детектив и в настоящий момент нахожусь здесь по заказу клиента, который хотел бы разузнать о некоторых проживавших здесь лицах. Я бы хотела спросить, нельзя ли одолжить копии старых выпусков, чтобы проверить кое-какие данные?

Еще до того, как Джессика закончила фразу, секретарша с усилием затрясла головой.

– Это редакция, а не библиотека, – отрезала она. – Мы не можем позволять незнакомцам копаться в наших документах.

– В библиотеке я уже была, – ответила Джессика, – старые выпуски вашей газеты у них отсутствуют, есть только местная «Таймс» на пленке. Мне хотелось рассмотреть внутреннюю точку зрения, поэтому там посоветовали обратиться сюда.

– Думаю, вам просто не повезло.

Секретарша вернула очки на место и уставилась в компьютер. Разговор был окончен. Джессика уже собралась уходить, как услышала позади себя мужской голос:

– Частница, говорите?

Она обернулась и увидела репортера, с улыбкой облокотившегося на дверной косяк. Он оказался чуть старше, чем она думала, почти что ее ровесником, и довольно симпатичным. Правда, вельветовые брюки и измятая рубашка на пуговицах делали его похожим на чьего-нибудь усталого отца.

– Ага, – подтвердила Джессика, возвращаясь к стойке. – Ищу информацию о парочке людей, которые тут раньше жили. Их имена могли мелькать в газете, вот я и понадеялась, что можно будет просмотреть старые выпуски.

– А что, что-нибудь случилось? – спросил журналист. – Я бы мог написать заметку. А то день какой-то тихий сегодня. Да и месяц в принципе, – сразу усмехнулся он.

– Боюсь, нет, – улыбнулась Джессика. – Люди, которые меня интересуют, уже давно здесь не живут.

Он строил разочарованную мину. А ей подумалось, что бы он сказал, если бы узнал, что говорит чуть ли не с самой громкой сенсацией здешних мест.

– Но, – продолжила она, – если я узнаю о чем-нибудь интересном, то, разумеется, тут же вам сообщу. Отплачу за услугу, так сказать.

– Отличная сделка, – согласился журналист, – а как, говорите, ваше имя?

– Джессика Шо.

Он повернулся к секретарше:

– Дарла, будь любезна, покажи Джессике старые подборки и помоги ей найти нужные выпуски.

Лицо Дарлы побагровело. Не сводя глаз с Джессики, она ответила:

– Я уже сообщила мисс Шо, что доступ не разрешается...

– Господи помилуй, Дарла, – прервал ее мужчина, – это же не какие-нибудь тайные сведения. Каждый из этих выпусков находился в свободной продаже. Помогите Джессике, пожалуйста.

Он подмигнул Джессике и вернулся к своему столу. Дарла на секунду опустила в кресло, как будто обдумывая, выполнять ли его просьбу, или дожидаясь, пока у нее перед глазами рассеется красная дымка. Наконец она собралась с духом и грубо махнула Джессике, чтобы та следовала за ней. Они вошли в редакционную комнату. Когда Джессика проходила мимо стола журналиста, тот вручил ей свою визитку.

– На случай, если обнаружите что-нибудь интересное.

Она взглянула на карточку. Гарретт Томас, старший сотрудник. Указаны два телефона, рабочий и личный.

– Спасибо, Гарретт, разумеется.

Библиотека оказалась большой комнатой без окон, уставленной огромными металлическими стеллажами с рассортированными по годам папками. В центре комнаты стоял полированный деревянный стол с двумя обтянутыми кожей стульями. В воздухе пахло старой бумагой. Джессика сразу вспомнила обычные библиотеки, в которых она бывала несколько лет назад.

– Какой вам нужен год? – спросила Дарла.

– Октябрь девяносто второго.

Джессика отодвинула один из стульев, уселась и поставила сумку на пол, ожидая, когда Дарла найдет нужную полку. В какой-то момент женщина замерла. Джессика подняла голову и заметила, что та побелела и словно приросла к месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.